

⁶ Baiteus I., Sauppius H. *Oratores Attici*, vol. II. Turici, 1850, p. 280—281; Schaefer A. *Demosthenes und seine Zeit*, Bd. III, S. 9—11.

⁷ Durrbach F. *Lycurgue. Contre Leocrate. Fragments*, p. 28; Burrt J. O. *Minor Attic orators*, vol. II. London, 1954, p. 9; Meyer-Laurin H. *Gesetz und Billigkeit*. Weimar, 1965, S. 32.

⁸ Уже Бёнеке (Boehnecke F. *Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner*, Bd. I. Berlin, 1849, S. 548) считал автором постановления Ликурга.

⁹ Не видно, из чего исходят Эд. Метцнер и К. Реданц, относя сообщение к псефиме Гиперида. См.: Metzner Ed. *Lycurgi oratio in Leocratem*. Berolini, 1836, p. 176; Rehdantz C. *Lykurgos' Rede gegen Leokrates*, S. 47.

¹⁰ О событиях 346 года см.: Beloch K. J. *Griechische Geschichte*, Bd. III, Abt. I. Berlin—Leipzig, 1922, S. 513; Clodé P. *Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne*. Paris, 1937, p. 118.

¹¹ Этот документ, как и все прочие в речи «О венке», считается позднейшей интерполяцией. Однако автор имел перед собой, по-видимому, какой-то подлинный источник. Во всяком случае события, отраженные в тексте, вполне могли иметь место в период после завоевания Филиппом Фокиды. См.: Weil H. *Demosthenes. Les plaidoyers politiques de Démosthène*. Paris, 1877, p. 438; Lipsius J. H. *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, Bd. I. Leipzig, 1905, S. 48; Modrzejewski A. *Real-Encyclopädie der Altertumswissenschaft*, s. v. *Μνησίφιλος*, Bd. XV, Hbbd. XXX, 1932, col. 2279—2280; Treves P. *Les documents apocryphes du Pro Corona*. — *Les études classiques*, 1940, t. IX, N 2, april, p. 138—174.

¹² Жебелёв С. А. *Демосфен*. Берлин, 1922, с. 82.

¹³ В данном случае срок давности не принимался во внимание. — См.: Wolff H. J. *Die attische Paragraphe*. — *Graezistische Abhandlungen*, Bd. II. Weimar, 1966, S. 94.

¹⁴ Lipsius J. H. *Das attische Recht und Rechtsverfahren*, Bd. II, S. 31.

Б. Л. ГАЛЕРКИНА

«ТИМОН, ИЛИ МИЗАНТРОП» ЛУКИАНА (его социальные истоки и художественная форма)

Диалог «Тимон, или Мизантроп», написанный в 165—170 гг. н. э., относят к группе Менипповых произведений с ярко выраженной кинической направленностью.¹ Впервые на него обратил внимание Ф. Бертрам в 1906 г., посвятив ему свою диссертацию.² После этого более 50 лет диалог «Тимон, или Мизантроп» не вызывал специального интереса. Лишь в 1965 г. появилась статья В. Шмида в связи с опубликованием «Дискола» Менандра,³ и в том же году Виктор Мартен опубликовал новый папирус, приобретенный в Каире в 1950 г.⁴ Как показывает издатель, перед нами кинизированные философско-моралистические произведения, относящиеся, по-видимому, к середине II в. н. э.

Основные положения, затронутые в диалоге, — стремление к одиночеству (Tim., 43; ср. 7),⁵ отрицание понятия Родины (43) и человеконенавистничество (44). В найденном папирусе много призывов к жизни в одиночестве среди природы

(Col., II, 11—15; IV, 38; VIII, A. 12) и в противовес Лукиану проводится идея защиты родины (Col., IX, 30—32), однако Лукиан остается в пределах традиционного космополитизма киников. Мизантропия оправдывается нравственным несовершенством людей (Col., IX, 17—20). И Тимон Лукиана, только убедившись в безнравственности общества, неблагодарности друзей, некогда им облагодетельствованных, становится мизантропом. Это морально-этическое обоснование мизантропии подчеркивается в первой же фразе произведения, которая содержит восемь звательных падежей эпитетов Зевса. Возмущаясь богом, Тимон подбирает эпитеты, в большинстве своем (из восьми пять) связанные с законами дружбы, гостеприимства, гетерии и верности домашнему очагу и клятвам (1), т. е. с морально-нравственными категориями. Эти эпитеты в звательном падеже являются как бы поэтической экспозицией произведения, т. е. подчеркивают, что тема родилась в результате того, что общество попрало законы дружбы и верности. Конфликт в «Тимоне» Лукиана вызван проблемой сугубо этической: Тимон обманут в лучшем из человеческих чувств — в дружбе, а потому покидает общество и ищет в природе чистоту.⁶ Этическая проблема перерастает в социальную.

Еще Платон считал мизантропию чувством, вызванным обманом близких и друзей (Plat., Phaed., 39, D). Тимон растратил с друзьями свое богатство и был покинут ими. Темы «богатство — дружба», «богатство — бедность», «скаредность — расточительство», «мизантропия — филантропия» пронизывают произведение Лукиана. Темы эти типичны для жанра моралистически-философской беседы,⁷ стилевые особенности которой достаточно разработаны.⁸

Классическую форму жанра греческой диатрибы представил нам Телет, автор III в. до н. э. Еще в I в. н. э. в этом жанре оформил свое остро критическое произведение «О скверне» (Περὶ κακῶν) эпикуреец Филодем.⁹ Элементы этого жанра мы встречаем также в новой публикации Виктора Мартена.

Своеобразной модификацией этого жанра диатрибы представляется нам диалог Лукиана «Тимон, или Мизантроп». Произведение это композиционно состоит как бы из четырех самостоятельных частей: I — обличительный монолог Тимона против Зевса (1—6); II — диалог богов на небе, вызванный криками Тимона (7—30); в результате этого диалога в III части боги (Гермес и Плутос) спускаются на землю и вступают в сношение с Тимоном (31—40); IV часть — второй монолог Тимона с последующей иллюстрацией его в действии (41 до конца). Каждая из этих частей (особенно первая и последняя) несет к себе нечто законченное.

I часть (1—6) начинается с обличительного монолога Тимона. Он задает вопросы Зевсу (1 и 4), однако ответа не ждет, отвечает сам. Пользуется при обличении сравнениями с пред-

метами домашнего обихода: пламя перуна слабее фитиля, перун — как головешка, только сажей измажет (2). Зевса он сравнивает со стариком, который страдает глазами, слепнет и глохнет (3), использует для подтверждения лениности и нерадивости божества известную всем историю об ограблении статуи Зевса Олимпийского (4). И, наконец, переходит от общего положения дел к своей собственной истории (5) и требует возмездия (6). Монолог Тимона выдержан в форме законченной проповеди со всеми ее чертами (употребление слов из повседневной жизни и медицины, риторические вопросы, ссылки на ходячие истории, возрастные характеристики, переход от общих положений к частному случаю и в заключение требование справедливости).

II часть (7—30). Переход к диалогу богов происходит путем вопросов Зевса к Гермесу о том, кто же этот человек, хула которого потревожила богов. Следует изложение Гермесом той же истории о вероломстве друзей, уже рассказанной в первой части самим Тимоном (8). Наблюдаем те же принципы: люди сравниваются с животными (друзья Тимона вели себя как вороны и волки), используется травестия мифа о Прометее, друге человечества, печень которого пожирала коршуны (у несчастного, т. е. Тимона, печень клевало уже множество коршунов).

Желая восстановить справедливость, Зевс приказывает Гермесу спуститься на землю вместе с Плутосом. Однако прежде чем боги спустятся на землю, в 18 главах (с 12 по 30-ю) в форме диалога Плутоса с Зевсом и Гермесом идет моралистически-философская беседа о двух распространенных среди людей способах использования богатства: расточительстве и скарденности. Форма диалога, как и тема богатства, несправедливого его распределения среди людей, без учета их нравственности — типичны для диатрибы в ее классической форме, а художественная подача материала изобличает черты, присущие этому жанру. Используется известное в истории обвинение Анаксагора в безбожии (Зевс иступил свой перун, желая поразить святотатца — 10), имеют место переносы действия человека в домашних условиях на его отношение к богу — Плутосу. «Он чуть ли не щипцами выбрасывал меня из дому, как стряхивают жар с рук», — жалуется Плутос на Тимона (12). Расточительные люди выгоняют Плутоса в открытые двери, а скарденные запирают двери на задвижку и замок (13; ср. 15). Плутос-богатство сравнивается с вином, заключенным в бочку (18—19). Ставится знак равенства между интимными отношениями человека и восприятием бога — Богатства. Расточительный подобен супругу, способствующему распутству своей жены (всем ее предлагает), тогда как скарденный равен мужу, жена которого не познала радостей супружества (16—17), и в конце концов богатство скупца достается распутному

рабу (22). Сфера эротики часто используется в философско-моралистических беседах: именно поэтому идет речь о бесчисленных любовниках Плутоса, несмотря на его слепоту, желтизну и грузность (26—27). Обилие пословиц (их 21) напоминает также диатрибу.¹⁰

Всю эту моралистически-философскую беседу на тему общего порядка Гермес называет пустой болтовней и призывает к делу, к возвращению от общих рассуждений к частному случаю, судьбе Тимона (29). От общего к частному шел и Тимон в первой части — своим вступительным монологом.

После длительного перерыва в 24-й главе намечается продолжение истории, которая, однако, осложняется.

В III части (31—41) за Тимона по всем правилам эристики, опять-таки находящей себе место в морально-философских беседах, идет борьба между Бедностью и Богатством. Побеждает Богатство. Боги удаляются. Остаются люди и все земное. Начинается IV часть.

IV часть (41—58) открывается, как и I, монологом Тимона, вновь разбогатевшего. Как и в I части, монолог этот начинается со звательных падежей, но совсем к другим чувствам обращены эти вокативы: не к дружбе, верности и гостеприимству, а к выгоде *Ἐρῆν κερδοῦε*, золоту *ῶ χρυσέ* (41), к известным в истории богачам *ῶ Μίδα καὶ Κροῖσε* (42). Эти звательные падежи, как и в первой части, являются как бы экспозицией последующих событий, но в первой части перед нами проходила попранная *φιλία*, а во второй развивается утвердившаяся *μισανθρωπία*.

Художественные приемы продолжают следовать жанровому канону: бытовые ассоциации, пословицы (золото может обернуться углем — 41), сравнение с животными (жить надо в одиночку, как волк, — 42), с эротическими образами (золото — любовник, 41) использование мифа, стиха из Еврипида (41), перифраза начальных стихов 1-й Олимпийской оды Пиндара (41), много повелительных форм глагола (42, 43, 44) и т. д.

Как бы вылепив в этом монологе свой образ мизантропа, Тимон в дальнейшем иллюстрирует самого себя в действии. Он прогоняет всех сбежавшихся на его богатство людей, используя присущие комедии приемы: нещадно ругает и бьет всех и т. д.

Наш анализ показывает, что произведение Лукиана «Тимон, или Мизантроп» строится на принципах диатрибы (будь то форма монолога или диалога), на почти самостоятельных частях, в которых находит отражение жанр в его измененной, как нам представляется, во II в. н. э. форме: диалог отступает, переходит в монолог с адресатом, сохраняя все стилистические особенности жанра и прежде всего переход от частного к общему, и наоборот. Основой произведения является частный слу-

чай — жизнь Тимона. Автор излагает ее в I и IV частях произведения. Причем в I части Тимон, в прошлом расточитель богатств, требует от Зевса возмездия, а в IV части, приобретя соковище и став скаредным, сам осуществляет это возмездие. В одном лице перед нами два характера: перехода, динамики в них нет; в двух характерах одного персонажа проходит единое повествование жизни человека, прошедшего свой путь от обилия друзей до полного одиночества сперва физического, а затем нравственного, философски обоснованного.¹¹

Как известно, «Тимон» был написан в середине 60-х годов II в. н. э. во время правления Марка Аврелия, когда начался общий кризис империи. Именно в это время Лукиан переселяется в Афины, которые оставались центром духовной и культурной жизни империи. Вся Греция была охвачена волнениями.¹² Афины боролись за свою элевтерию,¹³ отстаивали права свободного города *ἡ ἐλευθέρα πόλις*.¹⁴ В Афинах происходила борьба за власть между отдельными группами олигархов, действующих путем эвергесии, конкретного выражения панэллинской политики императоров.¹⁵ Судя по античным свидетельствам, народное возмущение в Афинах достигло наивысшего предела в период, когда важное место в общественной жизни города занимал древний аристократический род Геродов. Семья эта получила права римского гражданства и пользовалась покровительством императоров еще со времен Нерона. Герод же Аттик, будучи прекрасным ритором, стал воспитателем Марка Аврелия.

Наиболее полно жизнь Герода изложена у Филострата: по ней можно установить вехи взаимоотношений афинян с Геродом. Наши последующие параллели (Лукиан — Филострат¹⁶) исходят из предпосылки, что общие источники, созданные социально-исторической обстановкой середины II в. н. э., дают материал авторам, хронологически разобщенный по крайней мере несколькими поколениями. Однако материал этот, черпаемый из общего источника, приобретает черты творческой манеры автора и его времени.

Начав биографию Герода (родившегося в 100 г. н. э. и умершего около 177 г.) с его родословной, Филострат находит нужным сделать некую моралистически-философскую преамбулу.¹⁷ В ней говорится, что Герод умел прекрасно пользоваться богатством, а это является делом трудным и беспокойным. Богатство может опьянять, и тогда богачи преисполняются презрения к людям. На богатство клеветают, называют его слепым (*τυφλόν*). Бережливость и осмотрительность в распоряжении богатством похвальны. Необходима даже умеренная помощь нуждающимся. Скаредность осуждается тем, что мертвым считается то богатство, которым не пользуются для общего дела, а сокровища являются тюрьмой для богатства (Phil., V. S., II, 1).¹⁸

Весь комплекс этих рассуждений почти в тех же выражениях мы находим в «Тимоне» Лукиана. Рассуждения эти вызваны жизнью Тимона-транжиры; впрочем, презрением к людям пренеполнится вновь разбогатевший Тимон-скареда (Luc., Tim., 42—44—Phil., V. S., II, 1). Мы находим здесь осуждение скопидомства, сравнение накапливаемого богатства с тюрьмой (Luc., Tim., 15: *ὅπῃ τισὶ τοσοῦτοις δεσμοῖς* — Phil., V. S., II, 1: *θηραυροῦς — πλοῦτου δεσμοκτήρια*), слепоту богатства (Luc., Tim., 20, 24: *τυφλός* — Phil., V. S., II, 1: *τυφλός*) — факт непрекращаемый, отнюдь не клевета, как у Филострата; похвалу умелого пользования богатством (Luc., Tim., 16 — Phil., V. S., II, 1), помощь нуждающимся (Luc., Tim., 5: *τοῖς δεομένοις ἐπικουρήσας* — Phil., V. S., II, 1: *τοῖς μὲν δεομένοις ἐπαρχεῖν*), украшающую Герода, а Тимона превратившую в бедняка.

Филострат рассказывает о том, как Тиха не покинула отца Герода, когда тот обеднел, и вернула ему сокровища. Тимону-бедняку Плутос тоже открывает сокровище, и тот вновь становится богатым (Luc., Tim., 40—Phil., V. S., II, 2).

Отец Герода, умирая, оставил своему сыну завещание, по которому Герод должен был давать афинянам ежегодно по мине, но афиняне попросили выдать им сразу по 5 мин вместо ежегодных раздач. Герод, учтя долговые обязательства афинян его отцу и ему, аннулировал завещание (Phil., V. S., II, 3—4). На отцовском богатстве, общих рассуждениях о завещанных богатствах (*ἐς δέλεον ἐμθάλλοντες*, 21) акцентирует автор внимание и в «Тимоне». Богатства, доставшиеся от отца (*πατρῶον* — 12), разтранжирил Тимон. Герод же бесчестно его приумножил, а потому утверждение Тимона о том, что богатства достаются бесчестным людям (21—23), могло вызвать у афинян современные им ассоциации.

Афиняне возбудили против Герода Аттика процесс. Произошло это, по-видимому, в конце правления Адриана, т. е. около 138 г.¹⁹ Дело было бурным и имело длительный резонанс. Об этом еще вспоминается в переписке Фронтоня с Марком Аврелием.²⁰

Известно, что Герод помогал городу Афины, был его эвергетом, построил театры и храмы, был активным участником всей жизни полиса, был стратегом и превосходным оратором. Так об этом говорит Филострат (Phil., V. S., II, 4, 5 сл.). Все эти качества находили и у Тимона: сброд, прибежавший к новоявленному богачу, называет Тимона опорой афинян, защитой Эллады (50), эвергетом полиса, да и сам Тимон считает эвергесию одной из причин своего прежнего разорения (там же и 5). Тимону-богачу приписывают активное участие в жизни полиса: он вносил предложения в собрание, участвовал в совете, был стратегом (51), он — идеал аристократии *καλὸς καὶ ἀγαθός* (50), и оратор он превосходный (51).

Хотя афиняне первый процесс Героду проиграли, они, как

говорит Филострат, не перестали его ненавидеть (Phil., V. S., II, 4) — и не успокоились. В 148—150 гг. проконсул Ахайи вызывает Герода в собрание, на эклесию, где афиняне возмущаются тираническим образом правления Герода (τυραννικῶν μένων πρὸς τὸν Ἡρόδῳ — там же, II, 11). Фронтон в письме к Марку Аврелию, вспоминая процесс, говорит, что люди свободные были жестоко избиты и ограблены палачом Геродом (Fronto ad M. Caes., III, 3, carnifex quidem Herodes). Но именно вновь разбогатевший Тимон избивает граждан в свободном городе (ἐν ἐλευθέρῃ τῇ πόλει), попирая законы и демократию, разрешает себе тиранические замашки (τυραννίδι ἐπιχειρεῖς, 52 и 57).

В 160 г. опять процесс — Герода обвиняют в смерти его жены (Phil. V. S., II, 8). В 170 г. — новая волна возмущения Геродом (Phil., V. S., II, 11).

Совершенно очевидно, что история с завещанием никогда не была забыта афинянами и ощущалась во всех выступлениях против Герода, фигуры, волновавшей афинян, как мы видели, около 40 лет, т. е. примерно со 130 по 170 г. н. э. Напомним, что «Тимон» был написан между 165 и 170 гг. «Афиняне не переставали ненавидеть его даже при всей его эвертесии», — говорит Филострат (Phil., V. S., II, 4: οὐκ ἐπαύσαντο μισοῦντες).

Отцовское наследство, богатство, доставшееся по завещанию, найденное сокровище, распоряжение любым из этих видов богатства — тема злободневная для афинян. Тема эта, вообще распространенная в эпоху расцвета второй софистики, еще сильнее зазвучала в связи с процессами против Герода. Нет спору, что проблемы эти были объектом внимания софистов вне зависимости от реально жившего персонажа. Однако эвергет афинян, нашедший обходной путь для невыполнения последней воли отца, помимо прямого возмущения, должен был получить морально-философскую оценку своих действий у современников. Видимо, Лукиан, оказавшись в гуще событий в Афинах, откликнулся на них, написав в 165—170 гг. своего «Тимона». В особой бурлескной форме, как в кривом зеркале, где все неверно, но связано с истиной, афиняне увидели волнующие черты их современника.

В первой части произведения Лукиана Тимон, получив отцовское наследство, веря в друзей и прочие гуманные идеи, делает все то, чего не делает Герод: неумеренно, безотказно отдает все друзьям и согражданам. По принципу полного несоответствия с действительностью может создаться ассоциация с реальностью: афиняне середины II в. н. э. не помнят бескорыстных эвергетов. Столкновение с Геродом свидетельство тому.

Зато в последней части произведения Лукиана афиняне в образе Тимона, который обрел сокровища, отрекся от сограждан, от родины, от моральных обязательств перед ближними,

позволял себе тиранические повадки, попирает демократию и законы, забыв, что он живет в свободном городе (ἐν ἐλευθέρῃ τῇ πόλει), видит реальную, историческую фигуру Герода, около 40 лет волновавшую их умы. Мало того, этому вновь разбогатевшему Тимону приписывают все черты, каковые отличали Герода. Он, Тимон, говорит льстецы, лучше всех помогал городу, был защитой Афин, участником Совета, стратегом и превосходным оратором — а это уж очень близко реальному Героду, превосходному оратору, стратегу, эвергету Афин, Одеон которого сохранен и поныне.

Лукиан в диалоге «Тимон, или Мизантроп» вызывает ассоциации с Геродом Аттиком, привнося в традиционные литературные жанры с их стилистикой исторически происходившие события города Афин.

Примечания

¹ Helm R. Lucian und Menipp. Leipzig, 1906; Caster M. Lucien et la pensée religieuse de son temps. Paris, 1937; Bompaigne J. Lucien écrivain. Imitation et création. Paris, 1958, p. 170 ff.

² Bertram F. Die Timonlegende. Eine Entwicklungsgeschichte des Misanthropentypus in der antiken Literatur. Diss. Heidelberg, 1906.

³ Schmid W. Menanders Dyskolos und die Timonlegende. — Rhein. Mus., 1959, Bd. 102, H. 2, S. 157 ff.

⁴ Martin V. Un recueil de diatribes cyniques. Pap. Genév. inv. 271. Museum Helveticum, vol. 16, 1959, Fasc. 2. Ср.: Галеркина Б. Л. Седьмое письмо Псевдогераклита в свете последних находок. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1974, № 20, с. 107—114.

⁵ В дальнейшем в скобках указываются только цифры, обозначающие главы «Тимона».

⁶ Тема дружбы, несовместимой с цивилизацией, проходит и в диалоге «Токсарид». См.: Галеркина Б. Л. Скифские новеллы Лукиана. — В кн.: Классическая филология. Л., 1959, с. 82, сл.

⁷ О богатстве и бедности, формирующих нравственный облик человека, говорят диатрибы Телета (Teleti reliquiae., Fr. 1889, ed. Hense). См.: Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957, с. 236.

⁸ Kögel W. Der Peripatetiker Ariston von Keos bei Philodem. Bonn, 1933, S. 50—60.

⁹ Ibid.

¹⁰ Bompaigne J. Lucien écrivain, p. 415.

¹¹ В эллинизме впервые появляется мастерство лепки характера, там создается этическая концепция восприятия добра и зла не во вселенских масштабах, а в сфере поведения человека. См.: Тренчси-Вальдапфель И. Вариации на тему гуманизма у греков до возникновения римской теории. — Acta Antiqua Acad. Scient. Hungaricae, 1963, t. XI, fasc. 3—4, S. 161, сл.

¹² Антонин Пий усмиряет восстание в Ахайе — SHA, Ant., 5, 5. При Севере произошло столкновение афинян с императором — SHA, Sev., 3, 7.

¹³ Речь идет об эллинистическом понимании этого термина.

¹⁴ Нерон в 67 г. даровал Греции свободу, а Веспасиан в 73 г. вновь отнял ее — Philostr., V. Apoll. V. 41. Об эфемерности свободы рассуждает

Плиний (Plin., ep. VIII, 24) и Дион Хризостом (Dio Chrys., XLIV, vol. II, p. 200, ed. Reiske).

¹⁵ Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954, с. 181.

¹⁶ Хотя Филостратов было несколько и нет у нас точных хронологических рамок для автора «Биографии софистов», однако все согласно говорят о III в. н. э.

¹⁷ Сам Герод Аттик, как известно, осуществлял связь риторики с философией, следуя традиции своего времени. См.: Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. Bern, 1963, S. 890—891.

¹⁸ Ссылка на Филострата дается по изданию С. Kayser (Lipsae, 1871).

¹⁹ Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, с. 184 сл. Ср.: Bowersock G. W. Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969.

²⁰ Fronto ad. M. Caes., III, 3. — Процесс закончился для Герода благополучно, и даже Фронтон с ним помирился — IV, 2.

А. В. ГРОШЕВА

ОБЪЕМ И СТРУКТУРА ЛАТИНСКОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(на материале исторической прозы)

Если всестороннее изучение синтаксиса латинского языка в целом и у отдельных авторов имеет давнюю историю, то вопрос об объеме различных синтаксических единиц (абзаца, предложения, словосочетания и т. п.) на материале латинского языка почти не исследован. На эту тему существует пока лишь несколько статей полемического характера.¹ Поскольку классические тексты не дошли до нас с пунктуацией самих авторов, возможны расхождения в расстановке знаков препинания между различными изданиями одного и того же произведения. Возникает вопрос: как же измерять длину предложений в классических текстах?

По нашему мнению, один из участников дискуссии, Тор Янсон, подошел совершенно правильно к решению этой проблемы. Он пишет: «Поскольку современные издатели сходятся во мнении относительно того, где в тексте встречаются большие паузы, но отмечают их точкой, или точкой с запятой, или двоеточием по собственному усмотрению, было бы разумно рассматривать каждый из этих знаков как конец предложения. Я склонен думать, что этот метод является единственным методом, который предоставит достаточно надежные данные».² В сущности, Тор Янсон предлагает изучать в классических текстах, по терминологии В. Г. Адмони, только объем элементарного предложения и отказаться от рассмотрения цельных предложений.